

Клубы пара и дыма поднимались над улицей, смешиваясь с гулом бурлящей человеческой жизни. Для простых людей все эти крошечные передвижные лавки и тележки с едой были единственным способом свести концы с концами. То и дело среди толпы шныряли мелкие уличные хулиганы — они хватали еду, набивали рты и уходили не заплатив, лишь небрежно вытирая губы рукавом. А владельцы лотков были вынуждены подобострастно кланяться им вслед и заискивающе приглашать приходить ещё. И только когда шпана скрывалась из виду, лица торговцев омрачала глубокая, беспросветная тоска.

— И всё-таки везде одно и то же, — вздохнул Чэн Шу, наблюдая за этой сценой. — Безвластным людям в самом низу всегда приходится несладко. И чего ради некоторые так рвутся в эти капиталистические страны?

— А откуда тебе знать, сладко им тут или нет? — Ли Кай лишь отмахнулся. Его порядком утомляла привычка Чэн Шу при каждом удобном случае критиковать чужой уклад.

— Да везде жизнь одинаковая, — примирительно вставил Чжан Цзюньминь. — Но то, что беднякам приходится туго, — тут я с тобой согласен. Мы ведь сами из нищеты вылезли, кому как не нам это знать.

— Ой, да ладно тебе, — фыркнул Ли Кай, покосившись на Чэн Шу. — Скажи ещё, что ты и сейчас себя нищим считаешь.

— А почему нет? Очень даже считаю!

Чжан Цзюньминь только головой покачал — в последние дни эти двое спорили по любому поводу, словно кошка с собакой. Ван Сюань, впрочем, и бровью не вёл. Ему было глубоко всё равно, пока дело не доходило до драки. Поймав усталый взгляд Чжан Цзюньминя, он лишь мягко улыбнулся:

— Да не обращай внимания. Раз спорят — значит, ещё не проголодались. Я уже привык.

Они шли дальше, пробуя всё подряд: горячее и холодное, острое и сладкое, жареное и варёное. Благо все четверо были молоды и отличались крепким здоровьем — любой другой от такого кулинарного хаоса давно бы заработал несварение желудка. Но на улице деликатесов всё было настолько дешёвым и аппетитным, что думать о санитарных нормах не хотелось. В конце концов, если пища прошла термическую обработку, то мелкие огрехи чистоты желудок как-нибудь переварит.

К отелю они возвращались не спеша, довольно поглаживая сытые животы и неся в руках несколько увесистых свёртков с едой. Трое их товарищей, оставшихся в номерах, изнывали от голода и понятия не имели, где искать пропитание глубокой ночью. Едва завидев возвращающуюся четвёрку с пакетами, они буквально набросились на них, сверкая голодными глазами.

— Эй-эй, полегче! Не деритесь, мы как раз для вас и несли, — рассмеялся Чжан Цзюньминь, уворачиваясь от жадных рук. — Мы-то сыты по горло, Ли Кай всех угостил.

Поняв, что над ними не шутят, парни принялись уплетать угощение за обе щёки, рассыпаясь в благодарностях:

— Ну у вас и совесть! Спасители наши!

— Да ладно вам, — отмахнулся Чжан Цзюньминь. — А остальные что, ещё не вернулись?

— Какое там! Днём краем уха слышали, что их гид повёл в какую-то модную дискотеку, где местная молодёжь заводится. И о чём только думают? В таких заведениях вечно какой-нибудь притон или потасовка.

— Да ладно, у Чжу Яньфэна ума палата, а смелости ещё больше, — хмыкнул один из жующих. — Он, небось, думает, что и здесь всё как в Столице — дедушка в случае чего любую глупость прикроет. Честно говоря, ума не приложу, как он с такой пустой головой и полным отсутствием тормозов до своих лет дожил.

Сосед несильно шлёпнул его по плечу:

— Тише ты, не болтай лишнего. Жуй давай.

— И всё-таки с вами куда лучше, — продолжил первый, проглотив кусок. — Вы как будто всю жизнь здесь прожили: ориентируетесь свободно, знаете, где вкусно и дёшево поесть.

— Никакого секрета тут нет, — улыбнулся Ли Кай. — У нас ведь есть сопровождающий. Ребята они толковые, мы просто расспросили их в первые же дни. Им скрывать нечего, всё честно выложили.

— Да мы тоже спрашивали! А нас утащили в какую-то пафосную забегаловку, где порции крошечные, а цены ломовые.

— А вы, небось, потребовали отвести вас в самый шикарный ресторан с самой дорогой едой? — усмехнулся Чэн Шу. — Вот вам и угодили. Мы тоже сначала не наедались, поэтому и расспросили про обычные торговые улочки для местных. А вы про простые рынки и не заикались, вот гид вам ничего и не сказал.

Большинство из их столичной компании приехали сюда исключительно ради развлечений. Ли Кай и Ван Сюань смотрели на поездку иначе. Ещё в первый день Ли Кай попросил гида составить маршрут так, чтобы они могли увидеть Гонконг с самых разных сторон, а не только любоваться его глянцевым фасадом. Самому Ли Каю и Ван Сюаню это было просто любопытно, а вот Чэн Шу и остальным ребятам по возвращении предстояло сдавать учебные отчёты по

практике. Так что практическая сторона дела была для них крайне важна.

Далеко за полночь в коридоре наконец послышался шум. В номер ввалился Чжу Яньфэн со своими прихвостнями, принес с собой густой шлейф дешёвого табачного дыма и перегара. Обнаружив, что никто ещё не спит, и сообразив, что ждали именно его, он презрительно фыркнул:

— Совсем из ума выжили — караулить нас посреди ночи? Мы вам не дети малые. Помнится, я тут постарше каждого из вас буду, да и жизненного опыта у меня побольше.

Ребята от такой наглости лишь зубами заскрипели. Не желая ввязываться в ночные разборки, они молча разошлись по своим комнатам, мысленно обзывая себя дураками за то, что вообще беспокоились.

Утром все поднялись на ноги ни свет ни заря, а из номера Чжу Яньфэна по-прежнему доносился богатырский храп.

— Цзюньминь, иди расшевели этого придурка. Пинай сильнее, пусть подпрыгнет, — злобно буркнул Чэн Шу.

Чжан Цзюньминь уговаривать себя не заставил. Подойдя к двери, он с размаху припечатал подошву длинной ноги к деревянному косяку. Дверь содрогнулась, внутри что-то грохнуло, и из комнаты донёсся сонный, яростный рёв. Началась очередная перепалка.

— Да валите вы на все четыре стороны! — орал заспанный Чжу Яньфэн, пытаясь натянуть штаны. — Чего привязались? Или без мамочки дорогу найти боитесь? Я же говорил, что вы, сопляки, только выпендриваться умеете!

— Всё, уходим. Нечего этого дебила ждать, — в сердцах бросил один из парней, закидывая за плечи походный мешок.

— И катитесь! Чего спать мешаете?! — огрызался из-за двери Чжу Яньфэн.

— Да ты совсем ополоумел, Чжу Яньфэн! — не выдержал Чэн Шу, подступая к проёму. — Ты хоть на часы смотрел, урод? Не выйдем сейчас — опоздаем на теплоход! У тебя в башке вместо мозгов опилки?!

— Ну и опоздаем! Завтра поплывём. Или через пару дней, делов-то.

— Вот сам своему деду это и растолкуешь! — взвился Чэн Шу. — Билеты куплены на конкретное число! Хочешь строить из себя капризного барчука — делай это дома перед зеркалом! Ты хоть представляешь, сколько людей из-за нашей поездки на уши подняли? Или память отшибло начисто?!

Чжу Яньфэн на секунду притих, соображая, а потом язвительно процедил:

— Ой, да ладно, трагедию устроили. Из-за каких-то двух деревенщин, которых мы с собой прицепом притащили? Что скажешь, Чэн Шу? Твоя идея была этих нищелюбов взять?

Чэн Шу не стал тратить слова. Он просто шагнул вперёд и с размаху съездил Чжу Яньфэну по физиономии.

В коридоре мгновенно вспыхнула свалка. Утро окончательно пошло прахом.

Ли Кай стоял в стороне, прислонившись к стене и скрестив руки на груди. Вмешиваться он не собирался. С Чжу Яньфэном было всего двое приятелей, и те, почуввав неладное, сразу попятились назад, не желая ссориться с разгорячённой толпой столичных парней. Так что Чжу Яньфэн огребал в одиночку, пропуская один тяжёлый удар за другим. Сам Ли Кай кулаками махать не мог — статус не позволял ввязываться в драки «золотой молодёжи», хотя этого наглого барчука ему хотелось придушить ещё с первого дня пути, когда тот кривил нос и обзывал их с Ван Сюанем неотесанной деревенщиной.

Впрочем, в разборки этих высокопоставленных отпрысков партийной элиты простым деревенским ребятам лезть действительно не следовало — целее будут.

Вдоволь наоравшись и помахав кулаками, стороны кое-как разошлись. Чжу Яньфэн, хоть и огрызался, затягивать сборы больше не решался: если вся компания дружно пожалуется в Столице его деду, ему не поздоровится.

— Твою мать! — в сердцах сплюнул Чэн Шу, затягивая лямки рюкзака. — Если я ещё хоть раз в жизни соглашусь ехать куда-то с этим слабоумным выродком, зовите меня свиньей!

Они вполне могли бы бросить Чжу Яньфэна здесь на произвол судьбы. Но долг и семейные связи не позволяли. Случись с этим недоумком в Гонконге беда, старый генерал Чжу просто не перенесёт удара в своём почтенном возрасте. Да и родителям остальных ребят потом придётся очень несладко перед разгневанным военачальником.

В таких влиятельных семьях тоже нельзя было жить без оглядки на правила. Куча условностей, вечные опасения за репутацию — даже когда кровь кипела от злости, приходилось стискивать зубы и терпеть. Пережить эту поездку, вернуться на родину, а там уже разбираться. В конце концов, на протяжении всего пути за ними наверняка следило множество недоброжелательных глаз.

— Смерти его хочу, сил моих больше нет, — бормотал под нос один из парней.

— И не говори. Такая тоска берёт от этого бессилия.

В начале пути все уважительно величали его «старшим братом Чжу», теперь же цедили сквозь зубы исключительно «этот козёл Чжу Яньфэн». Умение ладить с людьми и вести себя достойно — великая наука, которую этот парень так и не освоил.

Поскольку накануне улеглись за полночь, а подняться пришлось ни свет ни заря, каждый страдал от утренней раздражительности. Любая искра грозила обернуться взрывом. Парни шли по улице, злобно сопя и переглядываясь — казалось, дай им волю, они бы прямо здесь устроили кулачный бой стенка на стенку, чтобы хоть как-то выпустить пар.

Злость на голодный желудок переносилась вдвойне тяжелее. Из-за утренней суматохи они остались без завтрака. Пришлось на ходу потрошить дорожные сумки и разворачивать накопленные вчера гостинцы для родни, чтобы хоть чем-то забить урчащие животы. Утешало лишь то, что обратный путь на обычном пассажирском судне должен был пройти без задержек и довольно быстро.

С тех пор как образовалась Особая зона, регулярное водное сообщение с Гонконгом только налаживалось: теплоходы ходили раз в несколько дней. Опоздай они сегодня — застряли бы здесь надолго.

Нагруженные сумками и коробками, парни шагали гуськом, надувшись от обиды, словно рассерженные жабы. Никто ни с кем не разговаривал. Однако, заведя у причала пассажирское судёнышко, они дружно застыли на месте. После роскошного лайнера, на котором они прибыли сюда, это корыто казалось верхом убожества. Как говорится, к хорошему привыкаешь быстро, а вот возвращаться с небес на землю всегда больно.

— Это что... переделанная рыбацкая посудина? — уныло протянул кто-то.

На борту уже толпились другие пассажиры. Матросы с палубы зычно поторапливали их, призывая быстрее подниматься на борт. Сверив билеты несколько раз, столичные гости нехотя потянулись по трапу. О каютах или спальнях местах не шло и речи — даже обычные сиденья были втиснуты так плотно, что яблоку негде упасть.

Помимо грубо сколоченных длинных лавок, всё свободное пространство палубы занимали крошечные табуреточки. Парни — все как на подбор рослые, длинноногие — кое-как примостились на этих жёрдочках, поджав колени к самому подбородку. Вид у них был исключительно жалкий. Стоило судно выйти в открытое море и поймать первую волну, как весёлая прогулка превратилась в сущий кошмар. Почти все они выросли в засушливых северных провинциях, плавать толком не умели и на воде бывали редко. Стоит ли удивляться, что от первой же качки у них мгновенно подкатила тошнота?

Заметив неладное, шкипер замахал руками:

— Эй, только не на палубу! К борту суйтесь, в море всё изливайте! Рыб хоть покормите!

От этих слов бедолагам стало только хуже. Они выворачивались наизнанку, утирая выступающие на глазах слёзы. Если бы не мёртвая хватка за фальшборт, кто-нибудь точно улетел бы за борт к прожорливым рыбам.

Объективно говоря, судно не было совсем уж утлым челноком: правила безопасности и устойчивость к штормам худо-бедно соблюдались. Но после величественного круизного лайнера этот катер казался щепкой в бушующем океане. На волнах его подбрасывало немилосердно, так что избежать морской болезни шансов не было ни у кого.

Ван Сюань деловито обходил страдальцев, вкладывая каждому в рот по таблетке от укачивания. Закончив с этим, он перебрался к Ли Каю. Устроившись на корме, они вместе любовались утренним солнцем. Огненный шар медленно поднимался из густого тумана, висевшего над водой. С каждым мгновением мгла таяла, и бескрайняя гладь окрашивалась в глубокие багрово-оранжевые тона. Зрелище завораживало своей дикой, первозданной красотой.

Когда они плыли в Гонконг на комфортабельном лайнере, условия были куда лучше, но такой невероятный рассвет им увидеть не довелось.

Впрочем, когда солнце поднялось выше и туман окончательно рассеялся, сидеть у воды стало невозможно — яркие лучи немилосердно слепили глаза, отражаясь от водного зеркала.

Кое-как добравшись до берега, самые слабые едва не ползком выбирались на причал. С вещами им помогали те немногие, кто перенёс качку полегче.

— Никогда бы не подумал, что море — это такая гадость, — хрипел один, вытирая бледное лицо.

— Меня до сих пор наизнанку выворачивает, — жаловался другой. — В глазах круги золотые, и кажется, будто весь мир по кругу идёт.

Парней подхватили под мышки и дотащили до ближайшей чайной, чтобы дать им немного прийти в себя. Вся эта избалованная столичная компания так исхудала и измучилась, что о сегодняшнем отъезде в Столицу не могло быть и речи. Ли Кай и Ван Сюань, оценив обстановку, решили воспользоваться заминкой и навестить Сяо Цяня.

Чэн Шу, который числился деловым партнёром Сяо Цяня, но ни разу не видел его вживую, тоже изъявил желание пойти с ними. Ну а раз пошёл Чэн Шу, то и Чжан Цзюньминь не пожелал оставаться в стороне. В итоге они снова разделились на ту же самую четвёрку. За время гонконгских приключений они успели неплохо сработаться и понимали друг друга с полуслова.

Оставив товарищей приходить в себя под надёжной крышей чайной, четвёрка отправилась по своим делам. Совесть их совершенно не мучила: они уже вернулись в родные края, так что о

столичных гостях здесь позаботятся в лучшем виде.

Сяо Цянь к этому времени успел превратиться в весьма зажиточного человека. Землю его семьи изъяли под государственные нужды, выдав взамен солидную компенсацию в виде нескольких квартир и коммерческих помещений. Теперь его старший брат успешно заправлял собственным ресторанчиком, а сам Сяо Цянь открыл личный магазин. К тому же, именно через него Ли Кай и Ван Сюань выгодно сдали в аренду три свои лавки, купленные здесь ранее.

Найти его не составляло никакого труда: достаточно было заглянуть в его главную лавку, где он пропадал с утра до вечера. В своей страсти к накоплению богатства этот мелкий коммерсант едва ли уступал самому Ли Каю. Во время прошлой встречи его старший брат долго жаловался, что парень забросил учёбу ради торговли и скатился на самые худшие оценки в классе. Ли Каю было искренне любопытно узнать, привели ли старшие родственники свои угрозы в исполнение — отобрали ли у непутёвого юноши ключи от лавки, чтобы загнать его обратно за школьную парту.

<http://bllate.org/book/19654/1996816>